

Слепухин Юрий Григорьевич

У ЧЕРТЫ ЗАКАТА

Роман

Санкт-Петербург

1980

ЧАСТЬ I

Мы живем в двадцатом столетии

Последний посетитель ушел в четверть десятого; с полчасика салон пустовал, потом появилась молодая пара. Не задерживаясь, они торопливо прошлись вдоль развешанных по стенам холстов и направились к выходу, негромко болтая и пересмеиваясь.

Человек, сидящий на диванчике в углу салона, поднял голову и устало прищурился вслед ушедшим. На больших часах над выходом обе стрелки сошлись на десяти. Да, посетителей больше не будет.

Служитель в серой ливрее вышел из боковой двери и начал выключать софиты. Человек медленно поднялся с дивана. Конечно, не надо было связываться с этой затеей. На деньги, которые уплачены за помещение, он вполне мог бы прожить пару месяцев, если не больше. А теперь? Впрочем, не исключена еще возможность, что завтра что-нибудь купят. Маклеры обычно покупают в последний день выставки, когда художник более сговорчив. Хотя и это маловероятно.

Развешанные вокруг картины — его собственные картины, которые никто не хочет покупать, — вызывали жалость и отвращение. Опустив голову, чтоб их не видеть, он медленно побрел к выходу.

Человек стоял на углу, сцепив за спиной пальцы, и попыхивал трубкой, морщась от горечи дешевого табака. Сотни автомобилей катились мимо непрерывным сверкающим потоком, в глазах рябило от разноцветных вспышек рекламного электричества, из соседнего бара доносились обрывки танцевальной музыки. Шумливая южная толпа, праздная и беззаботная в этот субботний вечер, теснилась вокруг, и в этой толпе он был одинок — словно отделенный от всех невидимой, но непроницаемой стеной. Да хоть застрелись он сейчас здесь — в самом центре Буэнос-Айреса, на углу Флориды и Коррьентес, — его смерть никого не заинтересует, разве что какого-нибудь безработного репортера...

Трубка погасла, он выколотил ее о каблук и принялся снова набивать табачной трухой со дна кисета. Декабрьская ночь была душной, стены домов и рифленые плитки тротуара щедро отдавали накопленный за день зной. Все казалось бредовым — и эта жара за две недели до Нового года, и воткнутая в черное небо белая, словно раскаленная прожекторной подсветкой, огромная игла Обелиска, и — главное — то, что он сам, Жерар Бюиссонье, стоит сейчас здесь, на этой опутанной неоновым серпантинном улице, за тысячи миль от ближайшего французского порта.

Франция, Париж... Облетевшие каштаны и острые шиферные крыши, лабиринт узких горбатых переулков Монмартра, гул зимнего ветра в мостовых пролетах, медленное движение барж, тысячелетние камни и воздух, этот неповторимый воздух Парижа... Зачем только он оттуда уехал, зачем отправился искать признания на чужбине? Как можно было думать, что тебя поймут и оценят чужеземцы — после того, как не поняли соотечественники...

— Что ж, не ты первый, не ты последний, — пробормотал он вслух, зажигая спичку. — Утешайся хоть этим...

Человек стоял, сутуло опустив плечи, в понурой позе усталого мастерового. Но это не была радостная усталость после работы, и она пришла не сегодня и не вчера; уже несколько месяцев, ложась ли спать, просыпаясь ли, он чувствовал себя одинаково усталым — хронически усталым от этой собачьей жизни, от вечного безденежья, от несокрушимого равнодушия публики. И от сомнений, бороться с которыми становится все труднее.

Мы живем в первое десятилетие атомной эры, на переломе самого грозного века человеческой истории. Пятьдесят миллионов убитых в последней войне, Орадур, Дахау, Дрезден и Хиросима; может быть, после всего этого действительно нельзя продолжать жить так, как пытался жить он — таким новым Ван-Гогом, — не зная ничего, кроме работы, скитаться по стране с этюдником, вновь и вновь открывая для себя, чтобы запечатлеть на холсте, сказочную прелесть волнующейся степной травы и высоких полуденных облаков над равниной Камарги, радужные брызги прибоя, дробящегося о бретонские скалы, сонные заводы на Луаре, бесчисленные оттенки листвы виноградников Шампани... Может быть, это и в самом деле уже никому не нужно? Маршаны, правда, брались выставлять его холсты, похваливали колорит и композицию, но всякий раз при этом давали понять, что рассчитывать особенно не на что. «Вы понимаете, дорогой метр, пейзаж — это сейчас не очень...»

Жанровые вещи, написанные на исторические сюжеты, тоже не имели успеха, хотя «Отъезд из Вокулёра» и удостоился, правда, нескольких благосклонных отзывов печати. Ему самому, всегда относившемуся к своим полотнам с придирчивой требовательностью, «Отъезд» нравился даже сейчас, спустя одиннадцать лет. Да, нравился ему, автору, но не публике. И неизвестно — кого же, наконец, следует отнести к категории ослов: публику или его самого, Жерара Бюиссонье?

Очевидно, приходится признать, что осел — это именно он. И что Дезире была тысячу раз права, когда заявила ему о своем нежелании продолжать игру в романтику и голодать к вящей славе искусства...

Во рту стало горько от попавшего на язык табачного сока. Бюиссонье сплюнул, развинтил и продул трубку, привычным движением пальца умял табак. Да, так она ему и сказала, именно такими словами, в позапрошлом году на Кот д'Азюр. Поездка в Жюан-ле-Пен, на которую ушли их последние сбережения, была ее затеей, сам он никогда не любил модных курортов...

— Если не ошибаюсь, сеньор Бюиссонье?—раздался за его спиной незнакомый голос, произнесший испанские слова с сильным иностранным акцентом.

Вздвогнув от неожиданности, он обернулся и увидел перед собой незнакомца — крепкого, небольшого роста, в свободного покроя светлом костюме и сдвинутой на затылок панаме.

— Не ошибаетесь,— с некоторым недоумением ответил Бюиссонье.— Чем могу служить?

Незнакомец добродушно улыбнулся:

— О, я просто увидел и взял смелость подойти! Я вчера... как это... имел быть в «Галерия Веласкес», на ваша экспозиция. Мое имя есть Брэдли, Аллан Райбэрн Брэдли.

— Очень приятно... Бюиссонье пожал протянутую руку, та вцепилась энергично, с деловой хваткой.— Если вам удобнее, мы можем говорить по-английски.

— Неужто умеете? — обрадовался тот.— Тем лучше, будь я негр, не придется выламывать язык. Послушайте, мистер, вы сейчас свободны? Я бы предложил зайти пропустить по глотку — суббота ведь, в такой вечер грех не дать себе разрядку. Как вы на это смотрите?

Жерар ответил не сразу. Пить с незнакомыми он не любил, а тем более пить на чужой счет и не иметь возможности ответить встречным угощением.

— Спасибо, но я... сегодня меня не особенно тянет на выпивку, честно говоря...

— Бросьте, мистер! — Брэдли ободряюще потрепал его по локтю. — Бросьте, говорю, аппетит приходит во время еды. Впрочем, может, вы нацелились подцепить девочку? Нет? Тогда пошли! Пошли, что вам еще делать — вот так одному и торчать на улице?

«Резонный вопрос», — подумал Жерар. Или торчать одному на улице, или возвращаться в обшарпанную мебелирашку в Барракас — сорок минут трястись в трамвае, а потом пробираться плохо освещенным переулком, мимо выставленных на тротуар зловонных мусорных баков. И если вернуться раньше полуночи, то есть риск встретиться с хозяйкой, которой не уплачено за два месяца.

— Идемте, — согласился он. — Вечер у меня и в самом деле не занят.

— ...Вот пить вы, европейцы, определенно не умеете. Нет, я имею в виду настоящие мужские напитки. Куда это годится — сидеть вот так над бутылкой кислятины! Все равно что заниматься созерцанием собственного пупа. Как в Индии, знаете? Есть у них там такие, сидит целый день и созерцает. Поэтому-то вас и сшибли с арены — по недостатку динамизма. Мы в Штатах подходим к этому делу иначе. Время — деньги, верно? Значит, если мне нужно дать себе встряску, я что делаю? Быстро хлопаю стаканчик-другой — вот так, на два пальца бурбону, а сверху сода. И через десять минут душа у меня уже ликует. А пить вино — чистая потеря времени, и потом это ведь страшно негигиеничный продукт. Ведь его как делают? Ногами. Ногами, будь я негр! Сам видел во Франции: фермеры лезут прямо в чан с виноградом и топчут его ногами. А ноги-то небось и не мыты, э? Тогда как вот это... — Брэдли протянул руку и пощелкал по горлышку бутылки, — это виски вырабатывается с соблюдением всех правил гигиены, можете мне поверить. Это я тоже видел, как его дистиллируют. Чистота неопишущая! Рабочие в белых халатах, все кругом блестит, трубопроводы из нержавеющей стали — ну просто операционная... Нет, что бы вы ни говорили, а виски — штука гениальная, не хуже водородной бомбы. Главное — действует быстро и безотказно. Вот коктейли эти всякие — это уже ерунда, питье для школьников. Знаете, когда коктейль бывает полезен?